

Ганц был ошеломлен столь внезапной реакцией Чи Чена. Взглянув на отчетливую метку у него на затылке, а затем сопоставив её с его нынешним нетерпеливым видом, он невольно подумал:

— Эта метка... неужели она от У Совэя?

Чи Чен бросил на него короткий взгляд:

— А ты как думаешь?

И то верно. Если бы Чи Чен сам не хотел, кто бы посмел его пометить?

Сейчас мысли Чи Чена были целиком заняты У Совэем. Он схватил куртку с дивана и, едва не сбивая всё на пути, бросился к выходу. В воздухе осталась лишь его отрывистая команда:

— Иди первым, с картой разберись, а вещи я сам отвезу!

Он должен немедленно увидеть того наивного, упрямого, как дикий зверь, мерзавца, который посмел оставить на нём свой след.

В общежитии царила гнетущая атмосфера. Тяжелые шторы не пропускали дневной свет, лишь тонкая полоска пробивалась сквозь щель, наискосок разрезая полумрак.

У Совэй пролежал в постели целый день. Он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег: во всех суставах ныло от слабости и ломоты после бушевавшего периода восприимчивости. Психический шторм временно утих, но тело казалось опустошенным и словно собранным заново на живую нитку — тяжелым и непослушным.

Он закрыл глаза, пытаясь обрести ясность в хаосе мыслей, пока резкая вибрация телефона на тумбочке не вырвала его из полузабытья. Нащупав аппарат, он увидел на экране надпись Мама. Теплая волна разогнала часть усталости, и он, прочистив охрипшее горло, нажал на кнопку ответа.

— Алло, мам! — голос прозвучал с сухостью и нотками зависимости, которые удивили его самого.

На том конце послышался бодрый и энергичный голос Чжан Лия, подействовавший как живительный укол:

— Да-Вэй, ты ел? Почему голос такой хриплый? Опять всю ночь не спал? Я же говорила, нельзя так изматывать себя в молодости...

Сердце У Совэя потеплело, он невнятно пробормотал:

— Поел немного... Всё в порядке, мам, просто устал. А как ты?

— У меня всё отлично! Кстати, хотела сказать, — тон Чжан Лия изменился, в нём прозвучали явная радость и удовлетворение. — Я попросила Сяо Чи передать тебе теплые вещи. Скоро похолодает. Не забудь его поблагодарить! Ой, какой же воспитанный парень, он мне привез столько подарков! И птичьи гнезда, и экстракт женьшеня, упаковка такая красивая, небось кучу денег потратил! Обязательно скажи ему спасибо...

— Сяо Чи? — сердце У Совэя пропустило удар, а затем забилось в груди, словно барабан.

Чи Чен. Имя мгновенно всплыло в памяти, обжигая. Неужели это он? Да и кто еще мог быть этим Сяо Чи, если мама так рассыпается в похвалах? Неописуемая надежда, смешанная с невероятным смятением, подступила к горлу, отчего стало трудно дышать.

— Мам, — он инстинктивно понизил голос, с осторожностью, которую сам не осознавал, — ты имеешь в виду... Чи Чена?

— Ну конечно, его! — голос Чжан Лия звучал так, будто это было само собой разумеющееся. — Твой друг — просто замечательный парень! Высокий, статный, говорит очень вежливо, никакого высокомерия. Ты не представляешь, он посидел сегодня, мы так хорошо поболтали, он даже расспрашивал о тебе...

В словах матери слышалось нескрываемое восхищение.

— Да-Вэй, когда в следующий раз приедешь на каникулы, обязательно приведи его на ужин! Я должна его как следует отблагодарить!

У Совэя словно ударило током. Он так сильно сжал телефон, что костяшки пальцев побелели. Чи Чен... был у него дома? Смысл этого поступка был слишком ясен — словно нежное долото, он точно ударил по ледяной стене, которую У Совэй возвел вокруг себя под названием «мне всё равно».

Трещины бесшумно расползались по льду. Осознание этого факта заставило и без того измученное и колеблющееся после периода восприимчивости сердце качнуться в сторону Чи Чена. Все те упрямые отрицания и категоричные фразы о том, что он никогда не любил, сейчас, перед лицом похвалы матери и действий Чи Чена, казались жалкими и нелепыми.

Разве это было отсутствие любви? Нет, это была захлестывающая любовь, плотно укутанная гордостью и страхом. Истина была слишком горячей, она обжигала горло, заставляя его упрямиться и повторять: не любил. Но теперь эта скорлупа дала трещину.

— Мам, — он глубоко вздохнул, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хоть в нем и слышалась гнусавость, — как твоё здоровье? На праздники я обязательно приеду домой, побуду с тобой.

— Хорошо, хорошо! Я здорова, не переживай! — голос Чжан Лия оставался таким же бодрым.

В этот момент на заднем плане слышался голос соседки, тетушки Линь:

— Чжан, ты чего? Пойдем прогуляемся?

— Иду, иду, уже выхожу!

— В общем, Да-Вэй, — заторопилась мама, — тетушка Линь зовет гулять, я побежала! Ешь вовремя, одевайся теплее! И не забудь поблагодарить Сяо Чи!

Звонок оборвался. Слушая гудки, представляя, как мама оживленно беседует с соседкой, направляясь в парк, У Совэй невольно улыбнулся. Его охватило огромное чувство безопасности. Как хорошо, что мама здорова и полна сил. Пока мама счастлива и здорова — это его самая надежная опора в этом странном и непредсказуемом мире АВО.

Экран погас, общежитие снова погрузилось в полумрак. У Совэй еще некоторое время сидел неподвижно, сжимая в руках остывающий телефон. Воздействие, произведенное Чи Ченом, смешалось с облегчением за здоровье матери, создав странный поток тепла, который помог справиться с физической слабостью.

Он сбросил одеяло, на нетвердых ногах дошел до ванной и плеснул на лицо ледяной водой. Холод взбодрил его. Приведя себя в порядок, он дошел до столовой, взял порцию легкой лапши и проглотил её — тепло еды вернуло конечностям немного сил. Пустота и тупая боль периода восприимчивости еще оставались, но энергия медленно возвращалась.

Сев за стол, он открыл книгу, взятую в библиотеке — Основы физиологии и социологии АВО, покрытую тонким слоем пыли. Раньше, когда он только попал в этот мир, его познания ограничивались лишь поверхностным делением на Альф, Бет и Омег, да легендами о периодах восприимчивости и течки, которые он слышал от соседа по комнате. Он был словно сторонний наблюдатель, никогда не связывал эти понятия с личным опытом, чувствуя между собой и этим миром слой матового стекла.

И лишь этот внезапный и яростный период восприимчивости разбил стекло вдребезги.

Он перелистывал страницы, проводя пальцами по холодным, сухим описаниям:

Период восприимчивости Альфы: резкое возрастание физиологических потребностей, сопровождающееся сильным чувством собственничества, защиты и агрессивными наклонностями; уровень феромонов резко колеблется, возможна потеря контроля; требуется глубокое успокоение феромонами Омеги-партнера или применение мощных подавителей, иначе это может привести к психическим расстройствам и нарушению физиологических функций...

Текст был словно игла, вонзающаяся в память его тела. Он вдруг вспомнил тот день:

бесконечное, высасывающее силы чувство пустоты; внезапный, сжигающий разум жар и импульсы насилия; жажду ощутить остатки аромата конкретного Омеги в воздухе; невыносимую душевную муку и желание разрушать...

Каждая деталь была пугающе четкой и невыносимо реальной. Оказывается, то, о чем болтали соседи, было такой пыткой! Это не просто плохое настроение или недомогание, это полная потеря контроля над душой и телом, яростный прорыв первобытных инстинктов, скрытых глубоко в генах. Это вынуждало его сталкиваться с самыми низменными желаниями, лишало разума, превращая в чудовище, управляемое инстинктами.

Пальцы У Совэя слегка дрожали, на висках выступил холодный пот. Глубина этой потери контроля была куда сильнее всего, что он переживал ранее. Он отчетливо осознал пугающий факт: нынешняя пытка была куда страшнее той, что он испытал, когда расстался с Чи Ченом на десять дней!

Как же ему с этим жить? Оказывается, в этом мире даже боль разлуки усиливается биологическими законами. Скучные термины из книги превратились в острую боль и ледяное предупреждение.

У Совэй собрался с духом, его взгляд стал сосредоточенным, и он принялся слово за словом изучать правила, которыми раньше пренебрегал.

<http://bllate.org/book/19432/1903488>